

ТЕАТР

О «добряках»

Как приятно быть добрым! Почему бы, например, просто не похвалить спектакль Театра имени Ленсовета «Добряки»? Ставил комедию молодой способный режиссер, выпускник Театрального института Л. Менакер. Спектакль получился веселым, в нем немало настоящих актерских удач, живых комедийных образов.

Однако пьеса написана о том, что нельзя быть добрым в серьезных вещах. Автор, режиссер, актеры — все в один голос предупреждают: смотрите, не будьте добренькими и снисходительными там, где надлежит оставаться принципиальными и последовательными. Ни к чему хорошему это не приводит. Нельзя не прислушаться к столь убедительным доводам.

Закономерно, что театр, показавший в свое время такие замечательные сатирические спектакли, как «Тени» и «Дело», обратился к «Добрякам» Л. Зорина. Под скромным жанровым определением «комическая история в 3 действиях» скрывается острая сатирическая комедия. В анекдотическом, казалось бы, сюжете — значительное содержание.

В пьесе изображено много-много добряков и один Кабачков. Автор как бы демонстрирует все возможные разновидности и породы добряков. Среди сотрудников института истории античной культуры, в котором происходит действие, — добряки мрачные и добряки застенчивые, добряки принципиальные и романтические, добряки суровые и добряки-остряки.

Кабачков же — это результат «добрых» дел всяких добряков. «Возможно, я не гений», — говорит о себе герой. И действительно, он не гений, а мелкий проходимец, бездельник и невежда. Однако свет не без добрых людей, и живется Кабачкову совсем не плохо. Изгнанный в свое время из школы за неуспеваемость, сейчас он уже аспирант почтенного института и с помощью и при попустительстве местных добряков продолжает свое восхождение. «Кабачков не такая величина, из-за которой стоит повышать голос», — говорит один из добряков. Пусть себе занимается административными обязанностями, а мы будем писать книги, думают добряки. И Кабачков защищает диссертацию, становится и. о. директора института, начинает распорядиться добряками и командовать наукой.

Роль Кабачкова играет артист В. Петров, играет очень выразительно. Кабачков у него — тупое и пустое существо. Никаких чувств и мыслей, кроме желания ухватить побольше житейских благ. Он даже не хитер. Почти механически, как попугай, повторяет чужие слова о гуманности, чуткости, товариществе, внимании и помощи молодым, об интересах науки и долге ученого.

Среди добряков особенно удались в спектакле образы Гребешкова (артист Ю. Бубликов), Аютина (артист И. Назаров), Витальева (артист А. Абрамов), Сычевой (артистка А. Корвет). Это — и комические типажы, этакие ученые не от мира сего, за просто беседующие о древних греках, словно о своих добрых знакомых, и очень живые, типические современные характеры, которые можно встретить отнюдь не только в нескольких фантастическом институте истории античной культуры. Игра актеров очень точно выражает своеобразный стиль пьесы.

Верный тон найден в картине, посвященной совещанию ученых мужей в кабинете директора. Здесь повторена мизансцена московского спектакля (Центральный театр Советской Армии),

□
На снимке: сцена из спектакля «Добряки». Заслуженный артист РСФСР А. АБРАМОВ (слева) в роли Витальева и заслуженный артист РСФСР В. ПЕТРОВ в роли Кабачкова.

Фото Л. Давыдова

мизансцена действительно удачная и смелая. Что, казалось бы, может быть скучнее: актеры сидят в креслах, поставленных в ряд против зрителей, и пятнадцать минут разговаривают. Между тем это весьма точное решение, оно помогает по-настоящему раскрыть остроумный текст, передать степенность и благолепие храма науки. Однако удачно найденный в этой сцене тон в значительной степени нарушается некоторой суетливостью и разнообразием других картин.

Часто в театре приходится сетовать на серость сценического решения, однообразие, бедность фантазии. Спектакль «Добряки», напротив, скорее страдает от чрезмерной изобретательности режиссера, актеров, художника.

Чуть ли не каждая реплика получает здесь свое театральное воплощение, используется каждый повод, каждая зацепка, чтобы построить какую-нибудь театральную метафору. Если герой говорит: «Кусок в горле застрекает. Все завистники кругом», то делает это, почти засунув голову в тумбочку, где хранится его провинт. Кабачков в спектакле устраивает целую истерику, когда в тексте есть намек на то, что в его голосе появилась слеза. А утешая его, любительница собак Сычева тянет героя за галстук, как за поводок, и чешет у него за ухом. Если дочь Гребешкова Ираида переходит на любезный тон, то в спектакле эта перезрелая, пишущая философский труд «Чувственное познание мира» дева (роль которой, к сожалению, не очень точно играет артистка Ц. Файн) почти вешается на шею своему собеседнику.

Удачные режиссерские находки соседствуют с довольно грубыми, лобовыми приемами и просто выдумками, которые весьма могли бы пригодиться в «капустнике». В данном же случае требовалось больше мысли и такта.

Спорны, на наш взгляд, и некоторые приемы художника, оформлявшего спектакль. На сцене построен дополнительный портал: скульптурная фигура ученого мужа в виде этакого Атланта поддерживает свод с надписью «Добро пожа...». Задники написаны в условной манере и могли бы занять почетное место на какой-нибудь выставке книжной графики. Убранство интерьеров стилизованное, пародийное. Всюду проявляется фантазия и остроумие художника. Но все это не очень связано между собой.

Подобная пестрота, соединение разных, интересных самих по себе, но не всегда вяжущихся между собой и уместных в данном случае вещей, характерна для спектакля. Здесь много остроумных режиссерских находок, убедительных и талантливых актерских работ. Но вместе с тем этому веселому и интересному спектаклю не хватает цельности, единства, сосредоточенности мысли.

С. ВЛАДИМИРОВ

